

DOI: 10.31860/0131-6095-2018-4-202-208

© Е. Р. Пономарев

КАК И. А. БУНИН ОКАЗАЛСЯ КРАСНЫМ? (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАРИЖСКОЙ ПРЕССЫ 1946—1947 ГОДОВ)*

Миф о том, что И. А. Бунин в послевоенные годы симпатизировал сталинскому СССР, отказался от прежней принципиальной ненависти, создали его многочисленные недоброжелатели из рядов эмиграции. Слухи и намеки в первые послевоенные годы становились нередко более значимыми, чем печатное или сказанное слово. Используя несколько поступков Бунина, которые можно было интерпретировать как просоветские, творцы мифа, закрыв глаза на прочие поступки и высказывания писателя, создали особую версию бунинской биографии, в которой Бунин пошел на поклон к Советам, захотел вернуться на родину и предал свои прежние взгляды. Все, что не укладывалось в эту матрицу, объяснялось старческим распадом личности. Один из главных соиздателей этого мифа — Н. Н. Берберова — добавляла к нему новые подробности на протяжении десятилетий (например, пил в посольстве за здоровье Сталина) и в полном виде представила свою версию в мемуарах «Курсив мой» (1972).

Главными опорами мифа стали, по сути, два неожиданных поступка Бунина: поездка в советское посольство в 1945 году и его выход из Союза русских писателей и журналистов в Париже в 1947 году. Оба поступка совершенно неоднозначны. Поездка Бунина в советское посольство не имеет документальных подтверждений, хотя, по всей видимости, когда-то она состоялась. Авторы воспоминаний (Н. Н. Берберова, Г. П. Струве), как правило, говорят о 12 февраля 1945 года — в этот день имел место самый представительный визит эмигрантов во главе с В. А. Маклаковым к советскому послу А. Е. Богомолу. Однако, как установлено О. А. Коростелевым и М. Юнггренем, Бунин в этот день был в Грасе и никак не мог оказаться в советском посольстве. Исследователи полагают, что Бунин посетил посольство осенью 1945 года, беседовал с Богомолу, но никаких последствий это не имело.¹ Не исключено, что Бунин поехал в посольство как раз для того, чтобы официально запретить издавать собственные сочинения в СССР (известно, что в 1945 году в Москве готовился к изданию сборник сочинений Бунина, в связи с протестом автора уже готовый набор был рассыпан). Кроме того, писателю через разных лиц предлагали вернуться в СССР (он сам писал об этом многим корреспондентам), но Бунин не сделал даже первого шага в сторону возвращения. Его моральные и стилистические расхождения с советской властью были слишком существенны.²

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (РГНФ), проект № 16-04-00107а «И. А. Бунин: Новые материалы и исследования (подготовка 2-й книги тома в серии „Литературное наследство“)».

¹ Письма И. А. Бунина к С. А. Циону / Публ. Ж. Шерона; подг. текста А. Тюрина и Р. Дэвиса; комм. О. Коростелева и М. Юнггрена // И. А. Бунин: Новые материалы. М., 2004. Вып. 1. С. 311.

² Именно так рассказывал об этом событии сам Бунин в письме к Я. М. Цвибаку (А. Седых) от 18 августа 1947 года: «Да, какие такие „действия“ я совершил? Напечатал несколько рассказиков в „Р(усских) Нов(остях)“ — да, это очень мне грустно, но нужна, нужна! И все-таки ужели это „аморально“? Что еще? Был приглашен в посольство *позапрошлой осенью* — и поехал — как раз в то время получил 2 телеграммы от Государств(енного) Издательства в Москве — просьба немедленно выслать сборник моих последних рассказов для издания и еще несколько старых моих книг для переиздания. Увы, посол не завел об этом разговора, *не завел и я* — пробыл 20 минут в „светской“ (а не советской) беседе, ничего иного не коснулся и уехал. Ужели это тоже аморальные, преступные действия? Позапрошлой зимой получил от писателя Телешова из Москвы известия, что издается большой том моих избранных произведений Государств(енным) Издательством — и написал столь резкое письмо в это издательство {...}, что получил по-

Выход Бунина из Союза русских писателей и журналистов в Париже хорошо описан в научной литературе.³ Если В. Н. Бунина демонстративно ушла из Союза вместе с примерно четвертью его членов в ходе общего собрания 22 ноября 1947 года, протестуя против исключения тех, кто взял советские паспорта, то решение Бунина было оформлено иначе. Бунин отправил официальное письмо Генеральному секретарю Союза В. Ф. Зеелеру 7 декабря 1947 года. В нем говорилось: «Уже много лет, не имея возможности по разным причинам участвовать в деятельности Союза Русских Писателей и Журналистов в Париже, я вынужден (исключительно в силу этого обстоятельства) сложить с себя звание почетного члена его и вообще выйти из его состава».⁴ Размыто-вежливая формулировка позволила по-разному толковать истинную причину выхода. Сам Бунин потом объяснял целому ряду лиц, что не хотел оставаться почетным членом кучки литераторов. Вполне возможно, это и было истинной причиной: Союз пережил большой скандал и трещал по швам, его покинули многие известные писатели.⁵ Кроме того, среди вышедших из Союза оказались лица, весьма близкие Бунину: В. Н. Бунина, Л. Ф. Зуров, Г. В. Адамович, А. В. Бахрах. Из оставшихся в Союзе по-настоящему близок Бунину был только его многолетний друг Б. К. Зайцев. Трудно представить себе ситуацию, когда В. Н. Бунина со скандалом покидает общественную организацию, а И. А. Бунин в ней остается. Однако многие, не разбираясь в деталях, восприняли шаг Бунина как политическую поддержку советских граждан. Руководство Союза, включая председателя правления Зайцева и члена правления Берберову, приложило немало усилий, чтобы поступок Бунина осмыслился именно в этом свете. Для подкрепления своей версии они вспомнили и о визите в посольство, и о многочисленных попытках официальных представителей СССР «обработать» Бунина.

Однако два поступка не изменили бы политическую репутацию писателя, если бы не общая литературно-политическая ситуация в послевоенном Париже. Миф о «покраснении» Бунина лег на подготовленную почву. На страницах парижской периодики Бунин неоднократно оказывался в советском идеологическом контексте совершенно не по своей воле. Этот контекст следует рассмотреть подробно, поскольку он малоизвестен и совершенно не описан — это важные материалы для будущей полной биографии писателя.

С 1944 года в Париже легально выходила русская газета «Русский патриот» (в 1945 году переименована в «Советский патриот»), финансируемая Советским правительством. Несмотря на приглашения, Бунин не стал печататься в этой газете. При этом «Советский патриот», со своей стороны, проявлял большое внимание к писателю, что объясняется, во-первых, славой Нобелевского лауреата и одновременно живого писателя из дореволюционных литературных «звезд», а во-вторых, тем, что в газете активно сотрудничали литераторы, близкие бунинскому кругу — прежде всего Н. Я. Рощин и Л. Ф. Зуров, а также А. П. Ладинский, Г. В. Иванов и др. Так, в июне 1945 года в газете появился подробный отчет о бунинском вечере. Видна дань безусловного уважения, которое газета отдает литера-

запрошлой весной французск(ую) телеграмму от этого Госуд(арственного) Издательства: „Согласно вашему желанию“ издание ваших избранных произведений suspendu» (Beinecke Rare Book & Manuscript Library. Коллекция А. Седых. GEN MSS 100. Box 1. Folder 11).

³ См., например: И. А. Бунин: Новые материалы. М., 2014. Вып. 3: «...Когда переписываются близкие люди»: Письма И. А. Бунина, В. Н. Буниной, Л. Ф. Зурова к Г. Н. Кузнецовой и М. А. Степун. 1934—1961 / Сост., подг. текста, научный аппарат Е. Р. Пономарева и Р. Дэвиса; сопроводительные статьи Е. Р. Пономарева. С. 68—76.

⁴ Русская мысль. 1947. 20 дек. № 36. С. 6.

⁵ Газета «Русские новости» так комментировала это событие: «Разрешить спор о том, стоим мы или нет перед распадом Союза, весьма просто: мы уже опубликовали имена вышедших членов. Мы предлагаем правлению (Союза. — Е. П.) опубликовать список оставшихся. Мы уверены, что сравнение двух списков по профессиональному признаку будет для всякого объективного читателя лучшим доказательством правоты нашей точки зрения» (Распад Союза журналистов // Русские новости. 1947. 26 дек. № 134. С. 5).

турному мэтру (а также легко узнается программа: Бунин читал рассказы «Чистый понедельник» и «Генрих»): «Как всегда, вечер чтения Ивана Бунина, устроенный 19-го июня в зале Шопена, прошел с блестящим успехом. Не было ни одного свободного места. На чтении присутствовали многочисленные представители литературного и артистического мира.

Манера читать у И. А. отличается особой простотой и благородством. Читал не актер, а писатель. Но каждое слово имело вес, подчеркнутое именно там, где это требовалось по смыслу текста.

В первом рассказе мы путешествовали вместе с любовью героя по Москве, по ее церквам, старообрядческим кладбищам, улицам и трактирам, где пахнут церковными свечами, лампадками, вкусной снедью и душистыми мехами на морозе. Во втором рассказе мы совершили путешествие за границу в вагоне с черными гармониками на площадках и очутились в суеде заграничных отелей. И в том и в другом рассказе, мастерски написанных, царила вечная тема Бунина — любовь».⁶

В номере от 2 ноября 1945 года редакция газеты тепло поздравляла Бунина с 75-летием.⁷ А в следующем номере, 9 ноября (весь номер был, разумеется, посвящен 28 годовщине Октябрьской революции), появилась большая юбилейная статья Ант. Ладинского. Статья чрезвычайно интересная, поскольку в тезисной форме выражает ту ценность, которую идеологи «советских патриотов» объективно находят в Бунине. «Для нашего поколения, т. е. для людей, достигающих 50-летнего возраста, — писал Ладинский, — все духовное развитие было в какой-то степени связано с книгами Бунина». Книги Бунина это поколение внимательно читало еще в дореволюционной России, в гимназии и после нее, а в эмиграции творчество Бунина стало еще важнее: «...в какой-то степени эти книги сохранили для нас на чужбине воздух Родины». Наконец, эмигрантская литература почти ничего не дала миру (постоянный тезис советской пропаганды), но Бунин исключение, потому что «Бунин — не эмигрантский писатель, а писатель русский, другими словами, — говорящий с миром не от лица эмиграции, а от имени своей огромной страны и прекрасной русской литературы».⁸ Можно представить, как раздражали такие выступления других писателей эмиграции — особенно тех, кого не жаловал «Советский патриот». Красный отблеск на репутации Бунина создавался тут практически без его участия.

С 1945 года в Париже стала выходить газета «Русские новости», позиционировавшаяся как наследница довоенных «Последних новостей» (главный редактор «Русских новостей» А. Ф. Ступницкий был до войны правой рукой П. Н. Миллюкова). Участие в газете с такой репутацией Бунин посчитал незаслуженным. В ней он публиковал новые рассказы и стихотворения, а также некоторые статьи. Так, в 1946 году в «Русских новостях» впервые был напечатан рассказ «Весной, в Иудее», в 1947 году — «Памятный бал». Кроме того, как один из самых титулованных авторов газеты Бунин использовал «Русские новости» для публикации своих официальных заявлений (в форме кратких писем в редакцию).

Однако по тону, настроению и позиционированию в эмигрантской среде «Русские новости» оказались весьма просоветской газетой. Местами они почти не отличаются по общей тональности от «Советского патриота». «Русские новости» пропагандируют жизнь в СССР, перепечатывая материалы из советских газет или пересказывая передачи московского радио. С 1946 года газета активно включится в кампанию по возвращению эмигрантов в СССР. Речи официальных лиц (И. В. Сталина, В. М. Молотова и пр.) печатаются в газете полностью без каких-либо комментариев и объяснений. Международные новости даются с советской точки зрения. Эта пропагандистская установка газеты, вероятно, сильно раздражала Буни-

⁶ А. Вечер Ивана Бунина // Советский патриот. 1945. 29 июня. № 36. С. 4.

⁷ 75-летие И. А. Бунина // Там же. 2 нояб. № 54. С. 3.

⁸ Ладинский Ант. К юбилею И. А. Бунина // Там же. 9 нояб. № 55. С. 3.

на, однако в 1945—1946 годах в Париже на русском языке выходили только «Русские новости» и «Советский патриот». Бунин выбрал менее ангажированную газету. В «Русских новостях» регулярно печаталась практически вся парижская эмиграция; Адамович и Бахрах вели постоянные рубрики; литературно-культурные разделы, в отличие от «Советского патриота», не имели политического подтекста.

Когда в 1947 году в Париже стала выходить антисоветская по духу «Русская мысль», в которой регулярно публиковали свою прозу Зайцев и И. С. Шмелев (чуть не единственный раз за первый год появился Р. Б. Гуль с отрывком из нового романа «Конь рыжий»), Бунин был уже постоянным сотрудником «Русских новостей». Теоретически можно предположить, что Бунин — пользуясь положением живого классика — мог бы публиковаться в обеих газетах. Однако с первых номеров «Русской мысли» началась резкая полемика между нею и «Русскими новостями» — столь непримиримая, что «Русские новости», например, избегали лишний раз называть противника по имени: они писали об «одной конфиденциальной русской газете»⁹ или, не без иронии, об «органе христианских синдикатов».¹⁰ Газеты уличали друг друга во лжи и клевете, требовали опровержений, использовали убийственные политические обвинения. Для «Русской мысли» «Русские новости» были газетой, продавшей большевикам и активно участвующей в деле советской пропаганды. «Русские новости», в свою очередь, не упускали случая напомнить читателям, что в «Русской мысли» окопались бывшие коллаборационисты и называли Берберову (без особых оснований) и Шмелева (с достаточным основанием). Если в обвинениях против Берберовой приходилось ссылаться на передачи московского радио и на слухи, то обвинения против Шмелева основывались на его публикациях в «Парижском вестнике» (русская газета, выходившая в период оккупации) и поддерживались сообщениями не только московского радио, но и выходившего в Нью-Йорке «Нового русского слова».¹¹ Обвинения в коллаборационизме использовались «Русскими новостями» неоднократно (на соседних страницах или в соседних номерах в качестве положительного примера публиковались рассказы о русских героях Сопротивления). Например, в статье, посвященной упомянутому скандалу в Союзе русских писателей и журналистов в Париже, на утверждение, что в Союзе нет ни одного коллаборанта, «Русские новости» отвечали так: «Но как охарактеризовать людей, во всеуслышание Гитлером восхищавшихся, публично называвших его режим лучшим из всех, с лихорадочным восторгом следивших за его продвижением в России, всячески поносивших тех, кто ему сопротивлялся? И как относиться к тем, кто спекулировал и делал предметом личной наживы несчастья своих соотечественников, пострадавших от расистских преследований?»¹² В этом пассаже соединились обвинения против Шмелева и обвинения против Берберовой (ее муж Н. В. Макеев в период оккупации продолжал торговать картинами — вероятно, продавал картины и немцам, а торговля картинами во время войны ассоциировалась в том числе и с изъятиями у евреев произведениями искусства). Таким образом, если «Русские новости» отдавали советским душком, то «Русская мысль» имела репутацию газеты коллаборантов. Газеты с безупречной репутацией в Париже не было.

Скандал в Союзе русских писателей и журналистов стал последним звеном в размежевании послевоенной эмиграции на три группы: непримиримых, не желающих иметь ничего общего с Советами даже на фоне послевоенной эйфории; взявших советские паспорта, но остающихся во Франции; взявших советские паспорта

⁹ З. В. Неутешные вдовцы нацизма // Русские новости. 1947. 13 июня. № 106. С. 5.

¹⁰ Б(родский?) Б(орис?). Письма от возвращающихся // Там же. 24 окт. № 125. С. 6.

¹¹ Н. О парижской русской прессе и о коллаборантах (Выступление Московского радио) // Там же. 6 июня. № 105. С. 5.

¹² Распад Союза журналистов // Там же. 26 дек. № 134. С. 5.

для возвращения в СССР. 14 июня 1946 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Франции. Просоветски настроенные эмигранты (в первую очередь круг газеты «Советский патриот») публично благодарили правительство СССР за прощение былых ошибок. «Русские новости» восприняли Указ как праздник и, говоря сегодняшним языком, оказывали всяческую информационную поддержку советскому послу Богомолу, разъяснявшему порядок возвращения бывших эмигрантов на родину. В 58 номере газеты (от 22 июня 1946 года) напечатан полный текст Указа и официальное письмо Богомолу «гр-ну Ступницкому». Весь следующий номер (№ 59 от 29 июня) заполнен разъяснениями к Указу и сообщениями о том, как восприняли новость в эмиграции. Например, на первой странице помещен репортаж о разговорах после воскресной службы в соборе на рю Дарю. Вся вторая страница номера отдана рубрике «Что думают об Акте 14 июня видные представители эмиграции». В самой середине страницы большими буквами выделено имя Бунина. Его реакции посвящено небольшое интервью (приводим текст полностью): «Мы застали И. А. Бунина за грудой корректур — в ближайшее время выходит русское издание¹³ его новой книги „Темные аллеи“».

— Как вы относитесь к Указу 14 июня, Иван Алексеевич?

— Позвольте быть кратким, тем более, что двух мнений об этом Акте быть не может. Конечно, это очень значительное событие в жизни русской эмиграции — и не только во Франции, но и в Югославии и Болгарии.¹⁴

— Надо полагать, что эта великодушная мера Советского Правительства распространится и на эмигрантов, проживающих и в других странах». ¹⁵

Это проходное мини-интервью — возможно, просто составленное в редакции (совершенно не ясно, кому принадлежит последняя реплика, в которой Указ именуется «великодушной мерой» — если учитывать чередование реплик в диалоге, то это реплика корреспондента), сыграло с Буниным злую шутку. Его прочитали как безоговорочную поддержку Указа 14 июня и вероятное желание вернуться в СССР.

Несмотря на то что эпопея возвращения (наиболее активные советские патриоты в торжественной обстановке получили советские паспорта и осенью 1946 года на трофейном корабле «Россия» отправились из Марселя в Одессу — все этапы этого процесса подробно освещали «Русские новости») протекала без участия Бунина, писателю пришлось отослать в редакцию газеты специальное письмо, которое было опубликовано 6 декабря: «Весьма прошу редакцию „Русских новостей“ дать место моему заявлению, что появившееся в некоторых французских газетах сообщение о моем отъезде в Россию лишено основания». ¹⁶ Этот факт говорит сам за себя.

На «России» в СССР отплыл Рошин (в 1947 году в статусе специального корреспондента он будет публиковать в «Русских новостях» огромные статьи о плавании до Одессы, о встрече корабля на советском берегу, а потом о советском быте, культуре, политической жизни), считавшийся в довоенные годы одним из бунинских учеников (он даже временами жил у Буниных в Грасе). Не исключено, что общественное мнение и слухи заместили не слишком яркую фигуру Рошина известной фигурой Бунина.

По-видимому, именно интервью лета 1946 года послужило основным материалом парижскому корреспонденту московской «Правды» Юрию Жукову, когда он

¹³ Планировалось и издание на французском языке, но оно не было реализовано.

¹⁴ 14 июня 1946 года были опубликованы еще два аналогичных указа о лицах, проживающих в Болгарии и Югославии.

¹⁵ Русские новости. 1946. 28 июня. № 59. С. 2.

¹⁶ Письмо в редакцию И. А. Бунина // Там же. 6 дек. № 82. С. 7.

должен был рисовать портрет сомневающегося Бунина в очерке о послевоенной эмиграции (очерке, написанном крайне непрофессионально: например, в нем сообщается, что певица Н. В. Плевицкая, З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковский погибли во время войны): «После этого мне довелось снова встретиться с Иваном Буниным. Незадолго перед тем газеты опубликовали его заявление по поводу Указа Верховного Совета СССР. Бунин назвал этот Указ великодушной мерой советского правительства и очень значительным событием в жизни русской эмиграции. Но какие выводы он сделал из этого события для себя?

— Поймите, — нерешительно говорил Бунин, — очень трудно и тяжело возвращаться глубоким стариком в родные места, где когда-то прыгал козлом. Все друзья, все родные — в могиле. Будешь ходить, как по кладбищу. <...>

Он помолчал, пожевал по-стариковски губами и сухо повторил:

— Подумать надо... Подумать — взвесить. Трудное это дело — в такие годы так круто ломать жизнь...»¹⁷

Вероятно, вся эта встреча если не полностью, то частично сочинена недобросовестным советским международником. Но обращает внимание, что бунинское интервью «Русским новостям» передано почти дословно. Старческое в портрете Бунина неизменно подчеркивается. Именно таким и вошел Бунин в пространство послевоенной советской идеологии — немощным старичком, понимающим правоту социализма, но не имеющим сил вернуться на родину.

Как видим, в создании советского бунинского мифа была использована и эмигрантская печать. Еще интереснее другое: образ Бунина, лепившийся в СССР по местным идеологическим лекалам, поддержала «Русская мысль», которая с 1948 года¹⁸ начала настоящую травлю писателя (по крайней мере, так воспринимали публикации газеты в бунинском кругу), упрекая Бунина прежде всего в том, что он стал на сторону «красных» и за это получил покровительство советского официоза. Например, следующему авторскому вечеру Бунина (23 октября 1948 года; зал Российского музыкального общества за границей), на котором читались резкие «Воспоминания», «Русская мысль» посвятила анонимный фельетон (под влиянием резкого общественного осуждения С. В. Яблоновскому в дальнейшем пришлось раскрыть свое авторство и попытаться оправдаться), в котором, в числе прочего, появились прямые обвинения Бунина в «сальто-мортале, когда Великий перескочил в тот лагерь, против которого в течение тридцати лет метал громы и молнии».¹⁹ В попытке неуклюжего оправдания за эту статью Яблоновский высказался еще основательнее: «Еще важнее — самое важное — его выход из Союза русских писателей.

Грустный сам по себе этот поступок становится неизмеримо печальнее от того, что совершен непосредственно после того, как Союз нашел, что члены, объединившиеся с большевиками, должны были бы выйти из Союза (что они и сделали, впервые за все время существования Союза, окатив его самыми непристойными обвинениями). Вопрос о выходе членов, взявших советские паспорта, обсуждался в 3-х заседаниях Союза, Бунин не был ни на одном из них, прислал заявление о выходе и оказался под сугубым покровительством советского официоза. <...>

Полное признание мною огромного таланта Бунина только увеличивает мою боль и протест против него».²⁰

¹⁷ Жуков Ю. На Западе после войны // Октябрь. 1947. № 10. С. 130—131.

¹⁸ До конца 1947 года «Русская мысль» практически не замечала Бунина — в газете можно найти только краткие объявления об авторском вечере Бунина 26 октября 1947 года в зале «Шопен» (Русская мысль. 1947. 11 окт. № 26. С. 7; Там же. 25 окт. № 28. С. 7), но даже обзора этого вечера газета не поместила. Бунин уже воспринимался как «чуждый» автор, но до выхода Бунина из Союза писателей и журналистов в Париже газета сохраняла нейтралитет.

¹⁹ Ему, великому // Там же. 1948. 10 нояб. № 83 С. 3.

²⁰ Яблоновский С. Письмо в редакцию // Там же. 1948. 8 дек. № 91. С. 2.

Слухи о том, что Бунин получил советский паспорт или собирается посетить СССР, вероятно, ходили по Парижу. Показательно, что и после смерти Бунина «Русская мысль» косвенно продолжала эти слухи распространять. Когда в 1954 году на II Съезде писателей СССР К. А. Федин, говоря о литературе эмиграции, упомянул Бунина и назвал его советским гражданином, газета снабдила обзор фединской речи следующим комментарием, выделив часть его полужирным шрифтом: **«Был ли у И. А. Бунина советский паспорт, — мы не знаем, но слухи о его встречах с некоторыми представителями советского правительства были достаточно обоснованы».**

Теперь мы видим, к каким результатам иногда приводят подобного рода разговоры.

РЕД(акция)». ²¹

В. Н. Буниной после этого пришлось официально отвечать некоторым изданиям (например, журналу «Посев»), что у Бунина никогда не было советского паспорта. ²² Вдова считала этот ответ настолько важным, что разослала его многим знакомым политическим деятелям эмиграции — например, Е. Д. Кусковой. ²³

Таким образом, миф о «покраснении» Бунина после Второй мировой войны был создан целой чередой случайностей, произошедших в эмигрантской жизни конца 1940-х годов и отразившихся в тогдашней парижской русскоязычной прессе. Однако этот миф сильнейшим образом повлиял на официальное восприятие Бунина в СССР — вероятно, именно благодаря ему появилась возможность издавать Бунина в СССР с середины 1950-х годов, правда с искажениями и купюрами, на которые Бунин при жизни едва бы согласился. Бунин стал единственным писателем-эмигрантом, которого официально печатали и изучали в СССР, в то время как с сочинениями и даже многими именами прочих авторов эмиграции советские люди познакомились только в эпоху перестройки.

²¹ Там же. 1955. 21 янв. № 730. С. 3.

²² И. А. Бунин: Новые материалы. Вып. 3. С. 277—279.

²³ Beinecke Rare Book & Manuscript Library. Коллекция М. Вейнбаума. GEN MSS 106. Box 10. Folder 473.

DOI: 10.31860/0131-6095-2018-4-208-237

ДУХОВНЫЕ СТИХИ ЗИМНЕГО БЕРЕГА БЕЛОГО МОРЯ В ЗАПИСЯХ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ФОЛЬКЛОРНОГО СОБРАНИЯ ИРЛИ)*
(ПУБЛИКАЦИЯ © Н. Г. КОМЕЛИНОЙ)

В 1920—1930-е годы некоторые фольклорные жанры исчезли из поля зрения ученых по идеологическим причинам. Это касалось в первую очередь сферы народной культуры, связанной с религиозной жизнью, верованиями и суевериями. В период советской власти в забвении были такие жанры, как духовные стихи, заговоры, а также мифологические рассказы — все, которые были объявлены пережитками старого быта. Так, в библиографическом указателе «Русский фольклор», описывающем литературу за 1917—1944 годы, отмечено всего лишь шесть отдельных публикаций духовных стихов за период с 1917 по 1926 год и четырнадцать исследований, шесть из которых представляют собой словарные статьи в энциклопе-

* Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 17-78-20194 «Фольклор Белого моря в современных записях: исследования и тексты».